

ИВАН АНТОНОВИЧ ЕФРЕМОВ: ФАНТАСТИКА, ФИЛОСОФИЯ, ЖИЗНЬ (к 90-летию со дня рождения). 22-24.9.1997 г.
(Симкин Г.Н. В кн. «Московские герпетологи». М. 2004. С. 162-175.

Творчество И.А.Ефремова диалектически (как любил подчеркивать сам писатель) двулико. Внешне это извилистый, а порою и медленный, даже неуверенный путь восхождения от поверхностно фантастических, завораживающих первых рассказов, романтических историй, морских приключений, легенд (Катти Старк) - отголосков юнлшеской эпохи “морского волка” в тихоокеанских дальневосточных морях к неожиданным оценкам как бы неявленных планов древних цивилизаций (Египта, Греции, Рима). Этот первый период и план творчества современниками оценен противоречиво. Одни (в том числе и А.Толстой) оценивали свежесть и необычность сюжетов писателя. Другие, считая первые работы лишеными художественных достоинств, склонны были оценивать это творчество как особую форму беллетристики. Однако духовная тайна Ефремова уже здесь, в начале пути, обрела свои, хотя и не раскрытые крылья,- в гениальном прозрении сибирских алмазов (Алмазная Труба), удостоверенному исторически, самими первооткрывателями якутских месторождений, прошедшими вслед за мыслью писателя по указанному им пути. Тайна Ефремова, будто бы фантаста, обозначилась в неудержимой, всеобъемлющей, строгой научности его мысли, которую ему - ученому исключительной эрудиции - было угодно закамуфлировать радугой странных фантазий. Эти фантазии и сам камуфляж на проверку временем оказались чем-то родственным высшим формам суфизма - неявленной верой-мечтою о необходимости одухотворенности (и одухотворения) мира и нашего бытия, крылатости человеческой мысли как восточного переливающегося радугой чуда. Уже с первых шагов Ефремова-писателя его генетическая, нерасторжимая связь с Азией (и Средней Азией в том числе) обозначилась четко, бесповоротно.

Творчество второго, глубинного плана это странный и как бы внезапный (непрофессиональный) переход к таинственным проблемам человеческой психики, наши представления о которой поистине вечно и ныне балансируют на “Лезвии бритвы”. Роман, вызвавший чуть ли ни потоки брани даже в кругу близких друзей, по-видимому, слишком рациональных, далеких от тайн медитативного плана - основы духовных исканий и откровений Востока. Практически никто не заметил, что “Лезвие бритвы” таило в себе двойной, в том числе и сокровенный смысл: по нему, как по истинному лезвию бритвы, писатель, используя опыт Востока, впервые решился на “путешествие в Духе”. Это была уже другая фантастика – фантастика смыслов, ее недостижимости, отчаянной осознанности,- прорыв в духовные тайны - медитационное обретение Силы. Еще не были завершены раздумья о цивилизациях и культурах Европы, но Восток уже пробивался в методах творческого порыва, в явлениях мпедитационного текста, когда слово и текст становятся гармоническим и спонтанным, практически неконтролируемым сознанием - потоком образного, не думающего, а зрящего отражаемое воочую человеком. Но об этом несколько позже.

Новый план творческого бытия Ефремова начат “Туманностью Андромеды”, снискавшей писателю всемирную славу одного из ведущих фантастов XX века. Международные премии, конкурсы, письма и семинары. Усех глубинной философии и естественно-исторически спорной книги “Таис Афинская”, книги о безусловном превосходстве женского начала Инь (Таис) над романтическим, действенным, размышляющн-неуглубленным Ян - началом мужским (Александр Македонский как светоносное, могущественнейшее и все же наивное, детски неразмышляющее - действующее явление и начало нашего мира). Шаг поистине дерзкий и спорный, до правоты осознания которого человек, уже ставший абсолютной и возможно уже неотвратимой жертвой минимой светоносности ян - мужской тирании Земли, не додумался и не дорос и в наши безумные дни. Теперь, спустя 30 лет после смерти

писателя, в поисках тайных истоков мысли о космической символической и величии женского, материнского начала вселенной и жизни, только и способного к постижению истинных ужасов мира, мы вдруг понимаем, что истоки идеи - таятся в еще неосознанных нами противоречиях, в сущности, - иньской философии даосизма и янской- конфуцианства. И нас вновь и до глубины души потрясает прозорливость писателя Ивана Ефремова, первым уловившего, как и в истории Якутских алмазов, беспримерную мудрость Востока, все еще скрытую в таинственных текстах великого Учителя Лао цзы ("Дао де цзин"), так потрясших в начале XX века величайшего из провидцев России - Льва Толстого, оставившего нам в наследие лучшее из толкований древнего китайского текста. В том, что не следует сомневаться в высокой оценке мысли Ефремова, нас убеждает триумф книг Фритьофа Капры ("Дао физики", "Уроки мудрости" и др.), получивших не только поддержку выдающихся физиков нашей эпохи (Вернера Гейзенберга, Джеффри Чу, Дэвида Бома и мн.др.), но и многих выдающихся деятелей и мыслителей XX века. Для многих становится очевидно, что именно "женская" философия даосизма сегодня становится величайшим источником альтернатив, застывшего над пропастью инфернальных крушений европейского "мужского" сознания и созданной им индустриально-технократической, потребительски меркантильной цивилизации безумной и бездумной наживы. Именно здесь, в философии меры и золотой середины, видел и Лев Толстой, еще не разгадавший тайны иньского начала Дао де цзина, и писатель-палеонтолог Иван Ефремов, отважившийся взглянуть на Восток до самых его глубин. Повесть-роман о Таис это ответ писателя-натуралиста на одну из глубочайших доктрин Востока - мистический феномен круговращения, взаимозмещения, слияния и противостояния сознания и интуиции, деятельности и осторожности, меры и силы, сознания и подсознания, последнего- как основного и глубинного начала творчества-мысли, хранителя опыта исторических и эволюционных эпох, первого - как деятельного начала, предающего творческим силам и формы и логику выражения мысли.

В творчестве Ефремова почти незаметной промелькнула "Дорога Ветров", скрывающаяся под покровом полевых дневников, профессиональных палеонтологических экспедиций в Монголию важнейший переломный этап духовного мира писателя. И, может быть, останется вечной загадкой не только сама реальная физическая (генетическая) мощь исследователя, писателя, человека - Ивана Ефремова (истинный богатырь земли русской - косая сажень в плечах), но и глубинно созвучная ему, Ивану Ефремову и самому русскому духу проведенциальная открытость, устремленность России к ледяным просторам Сибири, Азии, Востоку... Приверженность творчеству Н.К.Рериха (А.Юферова, 1991). "Премудрая тетрадь" 1956 года. 86 постулатов из медитационных текстов Е.И.Рерих ("Агни Йоги"), тесно связанных с важнейшими мыслями - духовными и философскими постулатами "Туманности Андромеды", а затем и "Часа Быка", таинственные указания на истоки трех гималайских рек...

Всемирный триумф романа-утопии "Туманности Андромеды" и - временная (посмертная?) катастрофа - донос - изъятие прямо из магазинов первого тиража "Часа Быка", ставшего завещанием (случайно ли?), а по мнению профессионалов-экологов, эволюционистов - пророческим, грозным и строго научно обоснованным предостережением ученого, философа, мудреца думающим людям Земли о пагубности разнузданного индустриализма (технократизма), смертельной опасности олигархической власти. И третий, глубинный пласт книги, открытый лишь профессионалам, - основа доноса - смертельные симптомы реального социализма. Был наложен запрет не только на сам роман "Час Быка". В научных статьях, книгах, журналах фамилию ученого Ефремова вымарывали жестко и беспрекословно целые годы... Воистину: "И сбывается над ними пророчество Исайи, которое говорит: "слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите..." (Матф.13:14). "Ибо сказано вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: "и к злодеям причтен" (Лук.22:37). "Но да сбудется слово, написанное в законе их: "возненавидели Меня напрасно" (Иоан.15:25).

Мистика, непостижимость тайны Ефремова - потрясают. Кажется, что истинная его глубина еще не раскрыта. Возможно, что сегодня она еще недоступна, непостижима. Но контуры ее как образы восточных фантазий уже проступают. Было замечено (Шалимов, 1981), что явление истинного, глубинного Ефремова состоялось - в образе Дара Ветра, героя главного и оптимистического романа "Туманности Андромеды". И в этом мужественном и могучем образе, кажется, сказано все. Мы лишь добавим: Он - истинный Дар и Он - именно Ветер. Ибо ветер, как считали древние, особенно в тревожные, переломные годы, становится деятельным состоянием Духа. Творчество провиденциального Ефремова обрело богатырские силы именно на "Дороге Ветров", в бескрайних просторах Центральной Азии, с жизнью которой писатель знакомился не понаслышке. По Монголии, стране, где слагались гимны о Северной Шамбале, куда вели тайные тропы великих тибетских лам, он странствовал многие годы и телесно и в Духе. В Духе,- окидывая мысленным взором заоблачные высоты Тибета и Гималаев, глядя сквозь призму исследователя-натуралиста, эволюциониста, эколога, как палеонтолог - профессионал высочайшей пробы, мыслящий масштабами тысячелетий, - он завершил свой духовный рост. Словно и этим сакральным жестом, присоединяя себя и нас к сонму верующих в Связующий Жребий России, тайно рожденной на великом экологическом и духовном пороге Сибири - колыбели вселенского Севера, земле неизбежных, немислимых богатырских свершений. Земле, уготовленной людям, воспитанным на тайне "Благоговения перед Безмолвием", скорее думающим и строящим, чем "Говорящим", творческая мысль которого и глубина скрыты в безднах человеческого подсознания, образной, неявленной, несловесной мысли, названной интуицией. Тайные миры и планы бытия человека, открытые писателем, философом, натуралистом И.А.Ефремовым - глубинны. Это неведомое нам и ныне таинство и самораскрытие мысли без слов, точнее - мысли, таящейся под и между словами. Это мысль будущего лишь означенная словами намеков, по которым, как по вершинам заснеженных гор, знающие спускаются к земным потаенным глубинам, оставляя нам и соборы Великого Новгорода, Пскова, Владимиро-Суздальских ополий, и древнейшие лики святых, запечатленных иконами Древней Руси, лучезарной "Троицей" Андрея Рублева, музыкой, поэзией, балетом и танцем, составившими славу Великой России. Это высокая, может быть, высшая философия,- литература безмолвия,- в сущности, единственный и неизбежный путь человеческой мысли и Духа в грядущих веках. Ибо сказано на Востоке: "горе тому, кто разделяет, дважды горе тому, кто говорит все!"

Мало кому известно, что многие тайны психологического и творческого облика И.А.Ефремова связаны с именем выдающегося русского зоолога и палеонтолога академика П.П.Сушкина. Вернувшись с Дальнего Востока могучим, но еще юным "морским волком" - капитаном тихоокеанских морей, Иван Ефремов встретился в геологическом музее Петрограда с человеком столь же неукратимой энергии, воли, ума и силы духа, широчайших и разносторонних знаний. У меня как профессионала - зоолога, воспитанника той же кафедры, что и П.П.Сушкин,- кафедры зоологии и сравнительной анатомии позвоночных Московского университета, нет сомнений в удивительной духовной и творческой близости этих людей. Именно работа с выдающимся зоологом, палеонтологом определила профессиональное будущее Ивана Ефремова - он стал палеонтологом-эволюционистом. Нет сомнения в том, что в молодом человеке, будущем выдающимся ученом и писателе, П.П.Сушкин нашел духовно близкого человека, способного не только стать его преданным учеником, но и свершителем его несбывшихся надежд, интересов, мечтаний. Под влиянием Учителя молодой Ефремов избрал углубленный и одновременно широкий путь профессионального познания истории жизни на Земле, истории природы и человека. Ведь Учитель был не только выдающимся зоологом, палеонтологом, географом, блистательным знатоком и коллекционером бабочек, но и не менее известным антропологом - создателем оригинальной концепции горного происхождения человека. Мне кажется, что судьба и творчество И.А.Ефремова

читаются через судьбу и духовную устремленность его первого Учителя - однозначно. Кстати замечу, что венцом теоретической мысли И.А.Ефремова стала практически незамеченная ни общественностью, ни профессиональной наукой статья, посмертно опубликованная в малоизвестном, фактически запрещенном сборнике, изданном Академией наук СССР, - "Населенный Космос" (1972). Смысл этой идеи, полностью созвучный «фантастической» идее Ефремова о единстве облика людей Вселенной как физически оптимальной форме сводится к следующему. Многие годы, раздумывая над невероятным, по мнению И.А.Ефремова, экологически и эволюционно необъяснимым разнообразием беспозвоночных животных, ученый пришел к совершенно неожиданной мысли: он допустил возможность, что на первичных этапах развития жизни, на уровнях беспозвоночных, Природа закладывает - создает на планете - все многообразие жизненных форм, на которое способна Вселенная! И лишь в дальнейшем в соответствии с конкретными экологическими особенностями планеты, из этого первичного многообразия избираются оптимальные формы, на базе которых эволюция строит восходящие ряды и уровни высших жизненных форм. Об этой "последней" идее Ефремова следует помнить. Хотя бы потому, что она, в полном соответствии с принципом "безумия" Нильса Бора, может быть оценена на сегодня как вершина "эволюционного безумия"!

Уже в юности будущий писатель, кстати, вышедший на литературную арену крайне поздно, уже перейдя порог зрелости, был неукротимым романтиком, но одновременно, как бы сегодня сказал последователь Карлоса Кастанеды,- тайным искателем Силы. Его отличала от всех писателей и фантастов неизменная, славянски одухотворенная, иногда поверхностно-мистифицированная верность научному знанию. Для него эта вера была безусловной, ибо он, в отличие от великого сонма "научных фантастов", сохранил непреложным профессиональный научный труд и даже достиг в нем теоретических вершин в апогее своей писательской славы. Нам кажется, что для И.А. Ефремова фантастика была лишь обманчивой для обывденного человека - радужной оболочкой, формой, за которой он, часто сознательно, прятал свою неукротимую, строгую, одухотворенную мысль. Ивану Ефремову удалось найти свой собственный, я бы сказал - богатырский путь в жизни, науке, литературе. Путь широкого, практически безграничного поиска, нечеловеческой силы охвата проблем и вширь и вглубь, овладения избранной темой на пределе научного знания, до самого дна. Именно таким человеком был и его старый Учитель. Мне кажется, что и сегодня эта абсолютная приверженность подсознания Ефремова строгой науке дает себя знать. На оборотной стороне его вышивок, как и вышивок шведского короля, не удастся обнаружить ни одного узелка.

Вершины философского творчества Ефремова, подобно горам альпийского орогенеза, отмеченного возвышением Тибета и Гималаев, Алтая и Альп, достигли своего апогея в Темное Время. На пороге одного из величайших надломов в истории нашей планеты. Об опасностях и симптомах которого он умудрился поведать нам в третьем, сакральном плане "Часа Быка" (и здесь - провиденциальная Сила Востока). Это был двойной образ Инферно: материализованный явно, жестко, научно и страшно облик Олигархии Торманса и потаенный (на той же инфернальной тропе) образ реального социализма (основа доноса), неуклонно творящего симптомы ущербного, духовно опустошенного супериндустриализма, обрекающего планету и ее жизнь на вырождение и гибель.

Писатель был и, в сущности, оставался романтиком-оптимистом. Ведь именно им и никем другим написан величайший (пусть спорный) роман о будущем человечества - Туманность Андромеды. Писатель, философ и человек И. .А. Ефремов - был ли он досужим фантастом? Сегодня кажется многим, в том числе и знающим его мысли, дела, способности, знания профессионально и изнутри, - он был человеком и мыслителем Высокой Пробы. Может быть, и вправду Иваном - воплощением неявленного русского Духа, последним богатырем земли нашей.

Спор тысячелетний о золотых временах не завершен. Писатель вопиет к нам о смертельной опасности Олигархической Власти, угроза которой не только реальна,

возможно - неотвратима. Он вопиет к нам о смертельной опасности бездумного оголтелого индустриализма и технократизма вообще. Эти опасности как профессиональный эколог-эволюционист он не только обозначил великим понятием - словом Инферно, но и, раздумывая над глубинными сущностями биологического, социального, духовного бытия природы и человека, как немногие выдающиеся натуралисты и мыслители нашего времени, прошлых эпох, понимал, что возможность Светлого финала нашей истории - лишь детерминированная (диалектически направляемая) вероятность. Ему очень хотелось верить в ее неизбежность. Но как палеонтолог-эволюционист он лучше многих других знал о существовании тайных путей - тупиковых ветвей Инадаптивной Эволюции жизни, ведущих к гибели. И они, эти инфернальные планы бытия, так же вечны, как и само явление жизни. Вечны не в конечности земного их плана, а в планах космических. И опасность их, этих Метапрограммных (Природой невидимо для нас творимых) инадаптивных планов, в руках человеческих достигает своего космического апогея. История жизни нашей планеты, бесчисленными фактами которой он владел могущественно, профессионально, убеждала писателя в неизбежности прогрессирующего и прогрессивного детерминизма. Он верил в реальность Информационного Галактического Кольца космических цивилизаций. Он был убежден в детерминированности единства физического облика человека Вселенной ("Сердце Змеи"). Он верил в космическую предопределенность Красоты и Гармонии, в конечное торжество Красоты, Добра и Духа над Злом. И словно безмолвным заветом он заклинал нас не верить в возможность тщедушных эмбриональных пришельцев, ибо как было открыто ему, - только в апогее красоты и тела и духа, творчество и мысль человеческая достигают своего космического апогея. Он верил в возможность, может быть, необходимость бескровных революций, как очистительной, обновляющей силы космического бытия, ибо в те годы революционными феноменами природы ему казались великие смены геологических ликом нашей планеты и все сонмов ее развивающейся жизни. Он верил в глубинное неведомое нам превосходство женского начала земли как творческой животворящей, рождающей и охранительной силы, одной только и способной кровью сердца и отчаянием материнского крика встать на спасение и защиту заблудших детей своих. Женщина и Природа едины как вмещающее, творящее и охранительное явление жизни. В конечном итоге, он верил в величие (и может быть превосходство) чувственной интуиции над светом холодного разума. Он верил не в разум как таковой, а в его земную природную Мудрость, стократно усиленную любовью, материнской, земной интуицией Жизни.

Когда-то А.Блок заметил о путевых очерках М. М. Пришвина "В краю непуганных птиц": "Это, конечно, - поэзия, но и еще что-то". Сегодня, продолжая давно начатый спор, о том что наследие Ефремова это не литература, а беллетристика, как мне кажется, мы должны больше думать о том: "А была ли фантастика?" Может быть, творчество И.А.Ефремова выше обыденной литературы, выше поэзии? Может быть, это особая форма мудрости поэтической по духу, по глубинному своему романтическому настрою, одухотворенности, сплав философии и науки - та форма духовной литературы, которая выше не только обыденных, но и поэтических слов? Может быть, ее главная самая фантастическая (по недостижимости) из ныне явленных сущностей сила - образы Философского Безмолвия, которые в будущем могут стать главной творческой силой, космического масштаба оружием человеческой мысли в ее противостоянии инфернальному Злу, а может быть, и Темным началам Вселенной?

Наконец, последнее, - может быть, самое главное, - лежащее в самом тайном основании таланта писателя, ученого и человека, всего сказанного и недосказанного в этой статье. Замечено, что зрелые тексты Ефремова - медитативны. Они как бы наделены, подобно древнейшим гимнам Ригведы, магической силой самораскрытия, пульсации, длящейся жизнью во времени, как утверждали и утверждают и буддийские адепты Большой Колесницы (Махаяны), отстаивая феномен саморазвития и самораскрытия мыслей и слов

Будды Гаутамы. Истинный смысл этих текстов не дается поверхностно, свойственным для нашей торопливой эпохи кавалеристским наскоком. В них, эти тексты, погружаются всерьез и надолго. В них “живут между строк”, утопают. Утопающим открываются новые смыслы и силы, способность увидеть тайную стройность новых миров. Обретается дар понимания, как бы продления жизни, развития образов, мыслей, картин неявленных, скрытых. Это дороги в миры еще неведомой нам параллельности, сложности рядоположенных форм неявленного скрытого бытия (Матапрограмм нашего Духа). Тайна медитационного текста сродни тайне настоящего, давно умершего театра, когда первые звуки, слова, их глубинные обертоны и смыслы отключают сознание тысяч людей, заставляют верить всему, что звучит и мелькает на сцене. Такова была непостижимая сила шекспировских действий и слов, сила великого русского театра ушедшей эпохи. Тайна медитационного текста в его абсолютной зримости, способности не только видеть, но и слышать слова и голоса, отраженные текстом. Это не тексты обычной словесной и буквенной вязи. Это словесная, зримая и звуковая вязь - импульсов зримого и звучащего объемного мира. Автор как бы живет в представляемом мире, движется, видит мельчайшие детали этого мира, неразличимые в мире реальном. И тексты, рожденные почти бессознательно, переданные нам из этих виртуальных миров нашего подсознания, обретают особую стройность и силу. Подобно живому, неуправляемому потоку, они входят в наше бытие, часто помимо сознания. Этих текстов немного. Они начаты мистикой Е. П. Блаватской, “Агни Йогой” Е. И. Рерих, “Розой мира” Д. Андреева, книгами, лекциями и статьями Л. Н. Гумилева. Этим загадочным даром владели Шпенглер, Ясперс, Ортега-и-Гасет... В форме пророческих социальных картин нам оставил их и Иван Ефремов. Возможно, - это тексты-вершины, по которым, как по гимнам Ригведы, Библии и Авесты, можно спускаться в неведомые нам глубины бытия, возможно устремление в даль.

Один из известных филологов (И. И. Гарин) в книге “Неизвестный Толстой” (1993 г.) выразил точно и ярко, может быть, главную мысль нашей переломной эпохи. “Каждое поколение переписывает (мы бы добавили - “должно переписывать”) историю, портреты исторических деятелей, биографии творцов культуры, саму культуру. Почему?... Что нового можно добавить к изученному по дням и часам Толстому?... Парадоксальные ответы на эти вопросы состоят в том, что, во-первых, мы ничего не знаем о Толстом - самом великом и поэтому самом оболганном писателе России, во-вторых, в том, что прошлое обладает ничуть не меньшей вариабельностью, чем будущее, в-третьих, в том, что человеческая культура и есть “вечное переписывание”, омолаживающее самое себя все новыми и новыми перспективами... в-седьмых, в том, что о Толстом сказано все и - ничего... он не просто выразитель “русского духа”, но - плоть от плоти... одной ногой этот колосс стоял в Европе, которую недолго любил, а другой в Азии, которую славил и... пытался преодолеть, что при всей своей “русскости” Толстой - всечеловечен.” Это, на наш взгляд, слова, которые следует, как на стенах дворца в пророчестве Даниила, сделать огненными - символами, указующими Путь... Ибо на этой Земле рождаются люди, по силам своим и трудам превосходящие любую обыденность, по скрытой духовной мощи своей принадлежащие вечности и Вселенной. В этой вечности созданное ими нетленно, в ней они раскрываются, действуют и цветут - вечно, бессмертно и непрерывно...

Г. Н. Симкин